

УДК 811.512+81.222.1

ПЕРСИДСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ: ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ¹

Сухоруков А. Н.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: sankafd2004@gmail.com*

В работе анализируются процесс и результаты проникновения лексических элементов персидского языка в крымскотатарский. Для понимания механизма проникновения фарсизмов в крымскотатарский язык исследуются травелоги средневековых путешественников, прежде всего Мартина Броневского и Эвлия Челеби, анализируются фарсизмы в тюркской части словаря «Кодекс Куманикус». Установлено, что наиболее интенсивный приток иранских лексических заимствований в язык коренного населения Крыма относится к рубежу XIII–XIV вв. и связан с временным переселением на полуостров значительного числа высокообразованного персоязычного населения. Последовавший вслед за этим период активной транзитной торговли, а также влияние персидской поэзии на придворную литературу Крымского ханства позволили закрепиться в крымскотатарском языке проникшим ранее персидским лексическим заимствованиям. При анализе результатов персоязычного влияния на современный крымскотатарский язык в качестве материала был использован Крымскотатарско-русский словарь (37 000 слов и словосочетаний), составитель С. М. Усеинов. Для подтверждения персидской этимологии использовались толковые словари Моина, Деххода и Омида. Выявлено более 450 лексических единиц иранского происхождения и множество их производных, в разной мере закрепившихся в составе современного крымскотатарского языка. В лексико-грамматическом плане крымскотатарские иранизмы представляют следующие 9 частей речи (в порядке убывания в количественном измерении): существительные, прилагательные, глаголы, наречия, местоимения, союзы, числительные, предлоги и междометия. Фарсизмы глубоко проникли в лексическую систему крымскотатарского языка, стали участвовать в процессах развития семантики слов, входить в синонимические, антонимические и омонимические отношения как с исконными крымскотатарскими словами, так и с заимствованными из других языков.

Ключевые слова: персидский язык, крымскотатарский язык, иранизмы, фарсизмы, лексикология, лексические заимствования, Крым.

ВВЕДЕНИЕ

Современный крымскотатарский язык относится к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакских языков, хотя наличие большого числа огузских лексических, фонетических и морфологических элементов в южнобережном (ялыбойском) диалекте сближает его с огузской группой. При этом в крымскотатарском языке (далее – КТЯ) имеется значительное число иноязычных лексических заимствований, соотношение которых заметно менялось с течением времени. В настоящее время около 40 % лексики КТЯ имеет арабское (18 %), русское (16 %) или иранское (6 %) происхождение [4, с. 5]. Если о путях проникновения арабской лексики (через ислам) и русской не возникает вопросов, то относительно времени и обстоятельств появления в КТЯ иранизмов сохраняется неопределенность.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

Долгое время распространенным было представление о том, что иранизмы в крымскотатарском языке являются, в большинстве своем, реликтами архаичного лингвистического слоя, живыми памятниками языковой общности раннего населения Крыма (киммерийцев, тавров, скифов, сармат, алан и пр.) с другими древними иранскими народами. Однако этому противоречит ряд аргументов, в том числе наличие в современном КТЯ многих лексем, присущих новоперсидскому языку, сформировавшемуся в IX веке, т. е. нехарактерных для базового слоя лексики предполагаемой иранской языковой общности, объединявшей древнее население Крыма и Ирана. Некоторые авторитетные исследователи, прежде всего А. Меметов, подвергают критике саму идею принадлежности населения древнего Крыма к ареалу распространения иранских языков [8, с. 137].

Целью настоящего исследования является определение путей проникновения и современное состояние персидских лексических заимствований в крымскотатарском языке.

Материалы и методы. Наиболее ценный вклад в изучение источников формирования лексики крымскотатарского языка и места персидского языка в этом процессе внес профессор А. Меметов. Результаты его исследования отражены в диссертационной работе «Персидские заимствования в современном крымскотатарском языке» (1974 г.) [6], отдельные положения которой представлены на страницах таких фундаментальных работ, как «Лексикология крымскотатарского языка» (2000 г.) [5] и «Источники формирования лексики крымскотатарского языка» [4]. В них были рассмотрены семантические и фонетические трансформации фарсизмов в крымскотатарском языке, а также произведён морфологический анализ заимствований. Однако некоторые вопросы, в том числе относительно изменений в структуре лексики крымскотатарского языка на протяжении истории в контексте иранского влияния, остались без ответа. В связи с этим актуальность рассматриваемой темы не вызывает сомнений и становится ещё более очевидной при наблюдающейся в настоящее время активизации социально-культурных, экономических и политических контактов между Республикой Крым и Исламской республикой Иран.

Научная новизна исследования обусловлена проведенным комплексным лингвистическим и историческим анализом, а также введением в оборот новых лексикографических материалов, прежде всего самого большого крымскотатарско-русского словаря, составленного С. М. Усеиновым, и включающего около 37 000 слов и словосочетаний [10].

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: а) изучить исторические источники, которые могли бы свидетельствовать об активных языковых контактах между населением Крыма и носителями персидского языка; б) проанализировать лексикографические крымскотатарские источники разного периода составления; в) произвести выборку и подсчёт лексем в крымскотатарском языке, имеющих иранское (персидское) происхождение.

Лексикографическими источниками при работе с русско-крымскотатарской парой языков стал упомянутый выше «Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь», составленный С. М. Усеиновым [10]. При сопоставлении русско-

персидского перевода мы исходили из данных «Русско-персидского словаря» Восканяна [11]. Для подтверждения достоверности иранской этимологии того или иного слова были использованы наиболее полные и авторитетные толковые и этимологические словари персидского языка, в том числе под редакцией Моина [19], Омида [20] и Деххода [21].

При работе с лексикографическими источниками на крымскотатарском языке по определению этимологической принадлежности слова, имеющего в своём составе элементы из разных языков, мы опирались на этимологию словообразующего компонента, в соответствии с чем и устанавливали принадлежность рассматриваемого слова к тому или иному языку.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Пути влияния персидского языка на крымскотатарский. Исторические свидетельства

Из всего массива исторических источников, выделяется два, заслуживающих пристальное внимание в контексте рассматриваемого вопроса. Первый – путевые заметки турецкого путешественника Эвлия Челеби, который на протяжении 1666–1667 гг. находился в Крыму и оставил его подробное историко-географическое описание. Эвлия Челеби трижды посетил Крым – в 1641, в 1665–1666 и 1666–1667 годах. Описание его пребывания в Крымском ханстве вошло, соответственно, во II, VII и VIII тома собраний сочинений по первому стамбульскому изданию.

В VII томе целая глава посвящена описанию города Эски-Кырым, известного ранее как «Кырым» и выполнявшего роль ставки хана во время Золотой орды. Эвлия Челеби пишет: «В этом городе похоронено много сот тысяч великих и прекрасных святых из Хорасана, Балха и Кырыма, числу их нет границ и пределов. Я посетил много сот зияретов великих Божиих святых. Но упомянуть их всех нет возможности» [16, с. 170]. В этом отрывке представляет интерес два факта. Первый – указание на то, что множество крупных религиозных деятелей города Кырым (период расцвета – последняя четверть XIII–XIV вв.) были выходцами из Хорасана и Балха, т. е. из персоязычных территорий. Второе – количество исламских шейхов персидского происхождения, чьи могилы находились в окрестностях города Кырым, исчислялись сотнями (!), что заставляет искать иное разумное объяснение, помимо предположения о захоронениях суфийских миссионеров.

На обилие иранских имен на могильных камнях золотоордынского периода в Крыму обратил внимание также А. А. Иванов в статье «Надписи из Эски-Юрта» [2]. Изучив материалы археологической экспедиции 1924 г. под руководством А. С. Башкирова и У. А. Боданинского в Эски-Юрт, в ходе которой были обнаружены и описаны могильные плиты из крупного поселения золотоордынского периода в юго-западном Крыму, А. А. Иванов делает вывод: «Факты заставляют более внимательно отнестись к этнической ситуации на Крымском полуострове в XIV в. и искать тут место, где жили носители персидского языка» [2, с. 31].

В VIII томе (по стамбульскому изданию) «Книги путешествия» Эвлия Челеби включен пересказ «Истории о первых на Крымском острове властителях – ханах», которую зачитал автору аталык по имени Имран. История эта записана Тохта Баем – одним из «древних предков» Имрана. Среди прочего, в этой «Истории» сказано: «В 665 году он [Берке-хан] направил коней восьмидесятитысячного войска из Кырма на Балх,

Бухару, Туран, Чин и Мачин, Хатай и Хотан, Фагфур и Туркестан. Некоторые падишахи спасались бегством. Он собрал тысячу восьмьсот ученых и баба к себе, и с почтением и милостью препроводил их в Крым. Все эти учёные основали мечети и медресе, а [хан] с газиями построил для всех учёных и их семей дома. С тех пор день ото дня род Чингизидов прославился» [16, с. 234]. Другими словами, в 665 г. хиджры (1267/68 г.), возвращаясь из победоносного похода на восток, Берекет-хан привёл в Крым значительное число исламских учёных (так называемых баба), вероятнее всего, из упомянутых Балха и Бухары, ведь, как известно, именно там Берекет-хан принял ислам. На средства газавата, т. е. полученные в результате военного похода, он построил им дома, мечети и медресе. Если принять во внимание возможность переселения в Крым даже нескольких сотен исламских (возможно – суфийских) шейхов из Средней Азии, то упоминание Эвлия Челеби о великом множестве виденных им захоронений с нисбой, говорящей о том, что здесь покоятся выходцы из Балха и Хорасана, представляется вполне реальным.

Пребывание персоязычных исламских ученых из Балха и Бухары (Большого Хорасана) в Крыму было относительно недолгим. В 1313 г. Тимур-хан, правитель из Самарканда, также входившего в состав большого персоязычного Хорасана, помог Узбек-хану вернуть престол, но за оказанную услугу попросил Узбек-хана вернуть исламских шейхов. Эвлия Челеби резюмирует: «Всех крымских учёных Тимур-хан увел в Балх и Бухару» [16, с. 236].

Подтверждение истории о пребывании в городе Кырым (столице золотоордынского улуса на полуострове) мы находим ещё в одном историческом документе, а именно – в заметках польского путешественника Мартина Броневского, который посетил этот город в 1578 г., то есть почти на столетие ранее Э. Челеби. Броневский, как представитель польского короля, пользовался покровительством крымского хана и имел редкую возможность относительно свободно путешествовать по его владениям.

В сочинении «Описание Крыма» Мартин Броневский пишет: «...Крым, город с крепостью, окружённой древней высокой и толстой стеной, совершенно отличается от других городов Средиземного Херсонеса (как называет его Птолемей) своей величиной и знаменитостью ... Кажется, что в нем обитал великий народ Магомета, пришедший туда из Азии уже в последние времена до прибытия генуэзцев в Тавриду. <...> Многие турки и татары, там живущие, и некоторые греки говорят о том, что их предки всегда помнили, будто этот город был населен народом персидским и почитался первейшим из городов; что там процветали науки и искусства» [9, с. 346].

В данном отрывке автор прямо указывает на два важных обстоятельства: а) многие жители города Крым (современный «Старый Крым») помнили о своем происхождении от «народа персидского»; б) «народ персидский» пришёл туда незадолго до прибытия генуэзцев. Что вполне коррелируется с данными из других источников, т. к. достоверно известно, что генуэзцы захватили Судак и прилегающие земли в 1365 году.

Фарсизмы в письменных памятниках средневекового Крыма

Исследование составленного в Крыму (Кафа или Солхат/Кърым) «Словаря куманского языка», более известного как «Кодекс Куманикус», убедительно подтверждает, что уже в конце XIII века персидские заимствования прочно заняли свое место в лексике языка населения Крыма. Первая часть этого ценного исторического источника представляет собой латино-персидско-куманский (половецкий) словарь,

включающий 1120 слов. Он составлен по тематическому признаку и отображает названия дней недели и месяцев, животных, растений, предметов быта, орудий труда и т. д.

В колонке «куманских» слов в данном словаре можно найти такие фарсизмы, как: *tu-šanbe* "понедельник", *se-šanbe* "вторник", *çaar-šanbe* "среда", *rap-šanbe* "четверг", *ayna* "пятница", *jaħan* "мир, вселенная", *ša(h)ar* "город", *sarau* "дворец", *šakar* "сахар", *armut* "груша", *šaftalu* "персик", *darçini* "корица", *nil* "индиго, синий", *brinç* "рис", *qondroq* "ладан, фимиам", *çaquç* [çekç] "молоток", *bazar* "базар, рынок", *bazargan* "купец, лавочник", *šiše* "бутылка", *kilim* "ковёр, плед", *piyala* "кубок, пиала", *šadaf* "рута душистая", *işranaq* "шпинат", *janavar* "зверь", *drust* "истинный, верный", *pil* "слон", *daru* "лекарство", *hergiz* "никогда", *jigar* "печень" и некоторые другие.

Давуд Моншизаде, шведский ученый иранского происхождения, изучив персидскую часть словаря «Кодекс Куманикус», доказывает, что персидский язык словаря более связан с формой, распространённой в Хорасана, нежели с центральной иранской (Исфаган) или южной (Шираз) формой [18, с. 19], что ещё раз свидетельствует о средневосточном источнике фарсизмов в КТЯ. Несомненным, по мнению Моншизаде, является то, что персидская часть словаря составлялась не в результате прямого контакта с чистыми носителями этого языка, а при языковом посредничестве, т.е. со слов людей, для которых персидский язык не был родным, но которые вполне хорошо им владели. Эту же идею развивает А. Бодроглигети, профессор Калифорнийского университета. Он также отмечает несоответствие персидского языка словаря «Кодекса Куманикус» языку Ирана XIII–XIV столетий, указывает на наличие архаизмов, а иногда и употребление слов в несколько искажённом значении [17, с. 34].

Широкий анализ иранизмов, представленных в куманской части словаря «Кодекс Куманикус» рассмотрен в статье А. М. Меметова «Сфера функционирования и лексико-грамматическое освоение иноязычных заимствований в «Кодекс Куманикус»» [7]. В ней автор выделяет такие крупные предметно-тематические группы иранских заимствований, как земледелие, названия диких и домашних животных и птиц, части тела, человеческие качества, взаимоотношения между людьми, торговля, строительство, обозначения предметов быта, домашнего обихода, названий продуктов и напитков, географические понятия, названия дней недели и др. [7, с. 4–5]. Проведя анализ лексики куманской (татарской) части словаря, А. Меметов выявил в ней 163 персидских заимствования, 145 арабских, 29 монгольских, 16 греческих, 6 русских, 2 итальянских, 2 согдийских и 18 из других языков [7, с. 1]. Примечательно, что наибольший процент иранизмов наблюдается в разделе списка товаров, ремесленных изделий и названия профессий, имеющих к ним отношение, что может косвенно подтверждать предположение о важной роли торговых контактов при распространении персидского языка за пределами исторического Ирана.

Таким образом, этимологический анализ словаря рубежа XIII–XIV вв. показывает, что в то время куманский (татарский) язык находился под заметным иранским (персидским) влиянием. Не исключено, что и значительная часть арабских заимствований (вторая по количеству после персидской в словаре «Кодекс куманикус») проникла в татарский язык через носителей персидского языка.

К первой половине XIV в. относится написание крупнейшего из дошедших до нас произведений на персидском языке, составленных в Крыму. Это «Каландарнаме» Абу Бакра Каландара, лишь недавно введённое в научный оборот и сохранившееся в единственном экземпляре. Обращения в центральные архивы и исследовательские центры других стран не выявили других списков этого произведения. «Каландарнаме»

представляет собою крупное (800 страниц) поэтическое произведение на персидском языке в пяти частях (дафтарях) мистико-дидактического характера. Имеющаяся в наличии рукопись является ранним списком с оригинала; само произведение написано классическим персидским языком. Из содержания следует, что весь период написания данного поэтического произведения (более 23-х лет) автор находился в городе Кырым, крупнейшем городе полуострова того времени. На основании этого можно сделать следующие предварительные выводы: 1) В первой половине XIV века в Кырму на постоянной основе проживали носители литературного персидского языка; 2) Наличие ранней копии может говорить о том, что персоязычная духовная литература в XIV веке в Кырму была востребована и имела определённый круг читателей.

Подтверждает сделанные выше выводы наличие ещё одного персоязычного письменного памятника Кырма того периода, а именно – Корана с подстрочным переводом на персидский язык. В настоящее время он хранится в Фонде рукописных и старопечатных книг БИКАМЗ (Бахчисарай) под инвентарным номером К-729. Анализ состава бумаги и чернил свидетельствует, что наиболее древняя часть книги, неоднократно реставрированной, представлена именно двуязычным текстом Корана.

Никогда ни прежде, ни позже, язык населения Кырма не оказывался под таким сильным влиянием персидского языка, как в конце XIII – начале XIV веков.

Торговые связи между Крымом и Бухарой

Монгольская империя объединила огромные территории, что способствовало возрождению Шёлкового пути. Крымский полуостров, также как и территории Бухары и Самарканда, где проживало персоязычное население, стал транзитным пунктом на торговом пути между Китаем и Европой. Это подтверждается, среди прочего, многочисленными находками в городе Старый Крым – бывшей столице одного из золотоордынских улусов. В ходе раскопок на территории этого города обнаружены ремесленные изделия, характерные для Среднего Востока, лостровая керамика, множество монет с разных регионов по маршруту Шёлкового пути, а также остатки очень крупного караван-сарая, построенного в полном соответствии с архитектурной традицией Бухары.

Влияние персидской поэзии на придворную литературу Крымского ханства

После предполагаемого возвращения из Кырма в Балх и Бухару многих (персоязычных) ученых по приказу Узбек-хана в первой четверти XIV в. обогащение крымскотатарского языка фарсизмами заметно снизилось. Лишь благодаря исключительной роли персидского языка как языка литературы Ближнего и Среднего Востока сохранялось его влияние на язык образованной части населения Крымского полуострова. С XV в. и далее в Кырму в нескольких медресе начинают изучать персидский язык [13, с. 159–161], составляются двух- и трехязычные словари [13, с. 156], пишутся литературные произведения на персидском языке [12, с. 28], на протяжении нескольких столетий действует целая школа переписчиков персоязычных произведений [14].

На уровне лексики поэтическая речь XV–XVII вв. характеризуется большим количеством фарсизмов и арабизмов, с помощью которых обогащались синонимические ресурсы, заполнялись отдельные лакуны в словарном составе. Прекрасные газели Ашик Омера, написанные на крымскотатарском языке, богаты фарсизмами и считаются образцами высокого поэтического стиля того времени. Вопросы воздействия

персоязычной поэзии на литературу Крымского ханства хорошо исследованы Т. Б. Усеиновым, который приходит к выводу о том, что «очевидной является преемственность литературных традиций, наблюдаемых в поэзии Крымского ханства и средневековой персидской (иранской) поэзии» [15, с. 144–145].

Подготовленные современными исследователями крымскотатарско-русские словари силлабической поэзии Ашыка Омера (составители А. Меметов, Т. Б. Усеинов; 2010 г.) [3] и Мустафы Джевахери (составители Т. Б. Усеинов, Л. В. Грицак; 2014 г.) [1] предоставляют богатый материал для исследователей крымскотатарского языка, интересующихся историей его развития. Особым достоинством указанных словарей является наличие указаний на язык-источник того или иного слова. Даже при поверхностном анализе словаря поэтической лексики крымскотатарского языка классического периода обращает на себя внимание значительное содержание лексических заимствований из персидского языка, а также характерные для персидской поэзии стилистические приёмы.

Литературный крымскотатарский язык эпохи Крымского ханства представляется перенасыщенным персидской лексикой и фразеологией настолько, что зачастую без знания персидского языка понимание отдельных поэтических крымскотатарских произведений XV–XVII вв. становится невозможным. Литературный язык оказался доступен лишь ограниченному кругу высокообразованных лиц. В результате, после ослабления крымского ханства и вхождения полуострова в состав Российской империи, живой крымскотатарский язык сохранил лишь незначительный след влияния классической персоязычной поэзии.

Персидские лексические заимствования в современном крымскотатарском языке. Наиболее полным лексикографическим описанием состава крымскотатарского языка является «Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь» 2014 года издания, составленный С. М. Усеиновым и включающий около 37 000 слов и словосочетаний [10]. Учитывая полноту данного лексикографического источника, именно он был выбран в качестве основного материала для определения места иранизмов в крымскотатарском языке.

Известно, что персидская по происхождению лексика, в основной своей массе, идентифицируется легко по некоторым фонетическим особенностям и по специфической морфологической структуре, отражающей грамматические нормы персидского языка. Как выше было указано, в настоящей работе для подтверждения достоверности иранской этимологии того или иного слова в крымскотатарском языке были использованы наиболее авторитетные толковые и этимологические словари персидского языка.

В результате проведённой работы нами в лексике крымскотатарского языка было выявлено более 450 лексических единиц иранского происхождения и множество их производных. Это как простая лексика бытового или сельскохозяйственного характера, так и сложная по структуре и семантике научная лексика. Естественно было бы предположить, что значительная доля арабских слов в крымскотатарском языке также была привнесена посредством носителей персидского языка, т.к. в самом персидском языке арабские заимствования занимают не менее 50 (!) процентов. Примечательно, что в крымскотатарском языке до недавних пор не встречались арабизмы, которые бы не входили в состав персидского языка.

В лексико-грамматическом плане крымскотатарские фарсизмы представляют следующие части речи:

1) существительные: *арзу* – желание, мечта (آرزو), *дост* – друг (دوست), *гуль* – роза (گل), *пелит* – дуб (بلوط), *зердали* – абрикос (زردآلو), *боарь* – весна (بهار), *багъча* – сад (باغچه), *дере* – долина, ущелье (دره), *пирнич* – рис (برنج), *дут* – шелковица (توت), *хораз* – петух (خروس), *бульбуль* – соловей (بلبل), *базыргян* – торговец (بازرگان), *дерт* – боль (درد), *тава* – сковородка (تاوه), *пенджерере* – окно (پنجره), *зынджыр* – цепь (زنجير), *афта* – неделя (هفته); *дюрбин* – бинокль (دوربين), *кермен* – крепость (كرمان), *кой* – селение (كوي);

2) прилагательные: *азат* – свободный (آزاد), *зийрек* – смысленный (زيرك), *назик* – нежный (نازك), *тазе* – свежий (تازه), *саде* – простой (ساده), *пак* – чистый (پاك), *бахтияр* – счастливый, удачливый (بختيار), *екяне* – единый (يكانه);

3) глаголы. Иранизмы глубоко приникли в крымскотатарский язык и стали основой для некоторых глаголов, в том числе: *дестелемек* (связывать в пучки; паковать), *достлашмакъ* (подружиться), *зынджырламакъ* (заковать в цепи; окружить цепью), *атеи* бермек (зажечь), *бербат* (برباد) *этмек* (разрушить, уничтожить);

4) наречия: *берабер* – вместе (برابر); *гуя* – подобно (گويا), *кем* – мало (كم); *кёране* – слепо, вслепую (كرانه), *пяде* – пешком (پياده), *десте-десте* – связками, пучками (دسته دسته); *бетер* – хуже (بدتر), *беш-бетер* – ещё хуже (بيش بدتر), *зарифане* – изящно, элегантно (ظريفانه);

5) союзы: *эгер* – если (اگر), *чюнки* – потому что (چون كه), *гуя* – будто бы, словно (گويا); *ки* – что, чтобы (Ойле чапа ки, артындан кимсе етамаз – «Он бегаёт так, что никто его не догонит») (كه);

6) местоимения: *эр кес* – каждый (هر كس); *ич* – никто/ничто (هيچ);

7) предлоги: *пеш* – за, вслед за (*пеш инден кетмек* – идти вслед за ним) (پيش);

8) числительные: *черик* – одна четвертая (يک چهار);

9) междометия: *аферин* – молодец! (при демонстрации восхищения) (آفرين).

Персидские словообразующие элементы активно участвуют в образовании новых слов в крымскотатарском языке. Так, целый ряд новых сложных слов образован при помощи фарсизмов «хане» (дом, помещение) и «наме» (письмо), например:

- хане: *гумрюкхане* (таможня), *етимхане* (приют для сирот), *ибадетхане* (храм, святотилище), *ишхане* (предприятие), *китапхане* (библиотека), *къабулхане* (приёмная), *берберхане* (парикмахерская), *къавехане* (кофейня).

- наме: *беяннаме* (извещение; листовка), *йылдызнаме* (летопись, хроника), *йылдызнаме* (гороскоп), *къанун-наме* (кодекс, свод законов), *веданаме* (прощальное письмо).

При образовании новых слов широкое распространение получил также иранский аффикс *-кар* (كار) со значением «делающий». Он употреблён при образовании таких слов в крымскотатарском языке, как *авескяр* (увлекающийся, любитель), *гунахкяр* (грешник), *диянеткяр* (религиозный, набожный). Сходный по внешним признакам термин «санаткяр» (صنعتگر) (видный деятель искусства) образован от другого аффикса – «-гар».

Из префиксов персидского происхождения в КТЯ особенно продуктивна приставка «би-» (بی): *бехабер* – несведущий, незнающий (بی خبر), *биваста* – непосредственно, прямо (بی واسطه), *биперва* – бесстрашный, дерзкий, неустрашимый (بی پروا), *битараф* – нейтральный (بی طرف), *бекяр* – холостяк, неженатый (بی کار).

В качестве примеров сложных слов с одной или двумя составными частями персидского происхождения в КТЯ можно указать следующие: *абдест* – ритуальное омовение (آبدست), *аремзаде* – незаконнорожденный (حرامزاده), *элялзаде* – законнорожденный (حلالزاده), *вефадар* – верный (وفادار), *дарбедар* – ударный (ضربدار), *диндар* – верующий (دين دار), *бештахта* – прилавок (پيش تخته), *бахчиван* – садовник, садовод

(باغچه بان), *пейгамбер* – пророк (پیغمبر), *ватанпервер* – патриот (وطن پرور), *дельбер* – красивый, прелестный (دلیر), *гульдесте* – букет (گل دسته).

ВЫВОДЫ

В результате проведенной работы нами было выявлено более 450 лексических единиц иранского происхождения и множество их производных, в разной мере закрепившихся в составе современного крымскотатарского языка.

В лексико-грамматическом плане крымскотатарские иранизмы представляют следующие 9 частей речи (в порядке убывания в количественном измерении): существительные, прилагательные, глаголы, наречия, местоимения, союзы, числительные, предлоги и междометия.

Наиболее интенсивный приток иранских лексических заимствований в язык коренного населения Крыма относится к рубежу XIII–XIV веков и связан со временным переселением на полуостров значительного числа высокообразованного персоязычного населения. Последовавший вслед за этим период активной транзитной торговли во время Золотой орды, а также влияние персидской поэзии на придворную литературу Крымского ханства позволили закрепиться в крымскотатарском языке проникшим ранее персидским заимствованиям.

Фарсизмы глубоко вошли в лексическую систему крымскотатарского языка и заняли там настолько прочное место, что стали участвовать в процессах развития семантики слов, входить в синонимические, антонимические и омонимические отношения как с исконными крымскотатарскими словами, так и с заимствованными из других языков.

Список литературы

1. Большой крымскотатарско-русский словарь syllабической поэзии Мустафы Джевхери. 4300 единиц / Сост. Т. Б. Усеинов, Л. В. Грицак. – Симферополь: Крымчупедгиз, 2014. – 192 с.
2. *Иванов А. А.* Надписи из Эски-Юрта // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1989. – С. 24–31.
3. Крымскотатарско-русский словарь syllабической поэзии Ашыка Омера. 3400 единиц / Сост. А. Меметов, Т. Б. Усеинов. – Симферополь: Крымчупедгиз, 2010. – 130 с.
4. *Меметов А.* Источники формирования лексики крымскотатарского языка. – Ташкент: Фан, 1988. – 110 с.
5. *Меметов А. М.* Лексикология крымскотатарского языка. – Симферополь: Крымчупедгиз, 2000. – 288 с.
6. *Меметов А. М.* Персидские заимствования в современном крымскотатарском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Ташкент, 1974. – 178 с.
7. *Меметов А. М.* Сфера функционирования и лексико-грамматическое освоение иноязычных заимствований в «Кодекс Куманикус» // Научный вестник Крыма. – 2019. – № 2. – С. 1–13.
8. *Меметов А. М., Меметов И. А.* Этническая история крымских татар: лингво-социокультурный анализ. Часть 1. – Симферополь: ООО «Эльиньо», 2017. – 156 с.
9. *Описание Крыма (Tartarie Descriptio)* Мартина Броневского // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. – Одесса: Алексомати, 1867. – С. 333–367.
10. Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь / Сост. С. М. Усеинов. – Симферополь: Тезис, 2014. – 640 с.
11. Русско-персидский словарь: ок. 30000 слов / Г. А. Восканян. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2008. – 865 с.
12. *Сухоруков А. Н.* Источники формирования лексики крымскотатарского языка: иранский след // Foreign language in the system of secondary and higher education. – Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015. – С. 26–31.

13. Сухоруков А. Н. Персидский язык в Крыму до 20-го века // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной иранистики. Материалы международной научно-практической конференции. – Казань, 2015. – С. 139–167.
14. Сухоруков А. Н. Традиция переписи персоязычных произведений в Крыму в золотоордынский период // Материалы V научно-практической конференции «Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского». – Симферополь, 2019. – С. 7–9.
15. Усеинов Т. Б. Влияние творчества персидских поэтов-классиков на поэзию крымского ханства // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт. Сборник трудов Восемнадцатой международной научно-практической конференции. – Белгород: ООО ГиК, 2019. – С. 143–145.
16. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Перевод Е. В. Бахревского. – Симферополь: ДОЛЯ, 2008. – 272 с.
17. Golden P. B. The Codex Cumanicus // Central Asian Monuments. – Istanbul: Isis Press, 1992. – P. 29–51.
18. Monchi-Zadeh, Davoud. Das Persische im Codex Cumanicus. Studia Indoeuropaea Upsaliensia. – Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 1969. – 219 p.
19. فرهنگ فارسی (شش جلدی). معین، محمد. تهران: مؤسسه انتشاراتی امیرکبیر، ۱۳۶۲ – ۱۴۷۲ ص.
20. فرهنگ فارسی عمید. استاد حسن عمید. تهران: چاپخانه ابن سینا، ۱۳۴۲ – ۱۰۸۸ ص.
21. لغتنامه دهخدا. دوره کامل (16 جلدی). علی اکبر دهخدا: دانشگاه تهران، ۱۳۷۷ – ۲۳۹۱۲ ص.

References

1. *Bol'shoi krymskotatarsko-russkii slovar' sillabicheskoi poezii Mustafy Dzhevkhery. 4300 edinits* [Large Crimean Tatar-Russian dictionary of syllabic poetry by Mustafa Dzhevkhery. 4300 units]. Sost. T.B. Useinov, L.V. Gritsak. Simferopol', Krymchpedgiz Publ., 2014. 192 p.
2. Ivanov A. A. *Nadpisi iz Eski-Erta* [Inscription from Eski-Yurt]. *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniakh Vostoka i Zapada v XII-XVI vekakh*. Rostov-na-Donu: RGU Publ., 1989, pp. 24–31.
3. *Krymskotatarsko-russkii slovar' sillabicheskoi poezii Ashyka Omera. 3400 edinits* [Crimean Tatar-Russian dictionary of syllabic poetry by Ashyk Omer. 3400 units]. Sost. A. Memetov, T. B. Useinov. Simferopol', Krymchpedgiz Publ., 2010. 130 p.
4. Memetov A. *Istochniki formirovaniia leksiki krymskotatarskogo iazyka* [Sources of formation of the vocabulary of the Crimean Tatar language]. Tashkent, Fan Publ., 1988. 110 p.
5. Memetov A.M. *Leksikologiya krymskotatarskogo iazyka* [Lexicology of the Crimean Tatar language]. Simferopol', Krymchpedgiz Publ., 2000. 288 p.
6. Memetov A. M. *Persidskie zaimstvovaniia v sovremennom krymskotatarskom iazyke: Dis. ... kand. filol. nauk* [Persian borrowings in the modern Crimean Tatar language]. Tashkent, 1974. 178 p.
7. Memetov A. M. *Sfera funktsionirovaniia i leksiko-grammaticheskoe osvoenie inoiazychnykh zaimstvovaniia v «Kodeks Kumanikus»* [The scope of functioning and lexical and grammatical development of foreign borrowings in the "Codex Cumanicus"]. *Nauchnyi vestnik Kryma*, 2019, no. 2, pp. 1–13.
8. Memetov A.M., Memetov I.A. *Etnicheskaia istoriia krymskikh tatar: lingvo-sotsiokul'turnyi analiz. Chast' I*. [Ethnic history of the Crimean Tatars: linguo-sociocultural analysis. Part 1]. Simferopol, ООО El'in'o Publ., 2017. 156 p.
9. *Opisanie Kryma (Tartarie Descriptio) Martina Bronevskago* [Description of Crimea (Tartarie Descriptio) by Martin Broniewski]. *Zapiski Odesskago obshchestva istorii i drevnostei*. Vol. 6. Odessa, Aleksomati Publ., 1867, pp. 333–367.
10. *Russko-krymskotatarskii, krymskotatarsko-russkii slovar'* [Russian-Crimean Tatar, Crimean Tatar-Russian dictionary]. Sost. S. M. Useinov. Simferopol', Tezis Publ., 2014. 640 p.
11. *Russko-persidskii slovar': ok. 30000 slov* [Russian-Persian dictionary: ap. 30000 words]. G. A. Voskanian. Moskva, AST: Vostok–Zapad Publ., 2008. 865 p.
12. Sukhorukov A. N. *Istochniki formirovaniia leksiki krymskotatarskogo iazyka: iranskii sled* [Sources of the formation of the vocabulary of the Crimean Tatar language: the Iranian trace]. *Foreign language in the system of secondary and higher education*. Prague, Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» Publ., 2015, pp. 26–31.
13. Sukhorukov A. N. *Persidskii iazyk v Krymu do 20-go veka* [Persian language in Crimea until the 20th century]. *Aktual'nye problemy otechestvennoi i zarubezhnoi iranistiki. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Kazan', 2015. pp. 139–167.

14. Sukhorukov A. N. *Traditsiia perepisi persoiazychnykh proizvedenii v Krymu v zolotoordynskii period* [Tradition of the census of Persian-language works in the Crimea in the Golden Horde period]. *V nauchno-prakticheskaiia konferentsiia «Dni nauki KFU im. V.I. Vernadskogo»*. Simferopol', 2019, pp.7–9.
15. Useinov T. B. *Vliianie tvorchestva persidskikh poetov-klassikov na poeziuu krymskogo khanstva* [The Influence of the Work of Persian Classical Poets on the Poetry of the Crimean Khanate]. *Nauka i obrazovanie: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt. Sbornik trudov Vosemnadsatoi mezhduнародnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Belgorod, OOO GiK Publ., 2019, pp. 143–145.
16. *Evliia Chelebi. Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti (Izvyecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka)* [Evliya Celebi. Travel book. Crimea and adjacent regions (Extracts from the work of a Turkish traveler of the 17-th century)]. Translation by E. V. Bakhrevsky. Simferopol, DOLiA Publ., 2008. 272 p.
17. Golden P. B. *The Codex Cumanicus. Central Asian Monuments*. Istanbul, Isis Press Publ., 1992, pp. 29–51.
18. *Monchi-Zadeh, Davoud. Das Persische im Codex Cumanicus. Studia Indoeuropaea Upsaliensia*. Uppsala, Acta Universitatis Upsaliensis Publ., 1969. 219 p.
19. *Farhange farsi (shesh jeldi)*. [Persian vocabulary (six volumes)]. Ed. by Mo'in, Mohammad. Tehran, Moasseseye Entesharate Amir Kabir Publ., 1362. 1472 p.
20. *Farhange farsiye Omid* [Omid Persian vocabulary]. Ed. by Ostad Hasan Omid. Tehran, Chapkhaneye Ebn Sina Publ., 1342. 1088 p.
21. *Loqatnameye Dekhoda. Doureye kamel (16-jeldi)* [Dekhoda dictionary. Complete course (16 volumes)]. Ed. by Ali Akbar Dekhoda. Daneshgahe Tehran Publ., 1377. 23912 p.

PERSIAN LEXICAL BORROWINGS IN THE CRIMEAN TATAR LANGUAGE: WAYS OF PENETRATION AND CURRENT STATE¹

Sukhorukov A. N.

The present article deals with the analysis of the process and results of the penetration of the lexical elements of the Persian language into the Crimean Tatar. To understand the mechanism of penetration of Farsisms into the Crimean Tatar language, the travelogues of medieval travelers, primarily Martin Bronevsky and Evliy Chelebi, are studied, Farsisms in the Turkic part of the Codex Cumanicus dictionary are analyzed. As a result of the study, it was revealed that the most intensive influx of Iranian lexical borrowings into the language of the indigenous population of Crimea dates back to the turn of the 13th–14th centuries and is associated with the temporary resettlement of a significant number of highly educated Persian-speaking population to the peninsula. The period of active transit trade that followed, as well as the influence of Persian poetry on the court literature of the Crimean Khanate, allowed Persian lexical borrowings to gain a foothold in the Crimean Tatar language. When analyzing the results of the Persian influence on the modern Crimean Tatar language, the Crimean Tatar-Russian dictionary (37,000 words and phrases), compiled by S. M. Useinov, was used as a material. To confirm the Persian etymology, the explanatory dictionaries of Moin, Dekhoda and Omid were used. As a result of the work carried out, more than 450 lexical units of Iranian origin and many of their derivatives were identified, which, to varying degrees, were fixed in the composition of the modern Crimean Tatar language. In lexical and grammatical terms, Crimean Tatar Iranianisms represent the following 9 parts of speech (in descending order in quantitative terms): nouns, adjectives, verbs, adverbs, pronouns, conjunctions, numerals, prepositions and interjections. Farsisms deeply penetrated into the lexical system of the Crimean Tatar language, began to participate in the development of the semantics of words, enter into synonymous, antonymic and homonymous relations both with native Crimean Tatar words and with those borrowed from other languages.

Keywords: Persian language, Crimean Tatar language, Iranisms, Farsism, lexicology, lexical borrowings, Crimea.

---

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 program N 075-15-2021-1323.